

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

из которой читатель узнает о том, как были спасены жители селения Толо, как укрепилась духовная сила учения Будды и как путники избавились от грязи и очистили свои сердца

Итак, мы остановились на том, что Танский монах вместе со своими учениками покинул пределы малого Западного неба и они вчетвером радостно отправились в дальнейший путь. Прошел месяц, весна была в самом разгаре, все цветы распустились, и вот как-то раз наши путники увидели сады и рощи, утопающие в зелени, но тут налетел ветер, полил дождь, а день клонился к вечеру. Танский монах осадил коня и обратился к своим ученикам:

— Братья! Время позднее. Не поискать ли ночлег?

— Не беспокойся, наставник! — с усмешкой ответил Сунь У-кун. — Если даже мы не найдем поблизости жилья, то будь уверен, что твои ученики все же имеют кое-какую сноровку. Мы устроим здесь при дороге такой замечательный шалаш, что в нем можно будет прожить целый год, пусть только Чжу Ба-цзе нарежет травы, а Ша-сэн наломает сосновых сучьев. Я кое-что смыслю в плотницком деле. Так что волноваться незачем.

— Брат, да разве можно строить здесь шалаш? — спросил Чжу Ба-цзе. — Горы кишат тиграми, барсами, волками и змеями, а кругом бродят разные духи и демоны. Здесь даже днем опасно, каково же нам будет проводить ночь?

— Эх, Дурень! — стал подтрунивать Сунь У-кун. — С годами ты все глупеешь. Думаешь, я бахвалюсь? Могу смело сказать, что если даже небо рухнет, то я смогу удержать его вот этим самым посохом!

Пока ученики Танского монаха препирались между собой, невдалеке показалось горное селение.

— Ну, вот и хорошо! — обрадованно воскликнул Сунь У-кун. — Ночлег нашелся?

— Где? — спросил Танский монах.

— А вон там, в леске, разве не видишь? Попросим, чтобы нам разрешили переночевать, а завтра пораньше отправимся в путь.

Танский монах обрадовался и, подстегивая коня, направился к селению. Подъехав к воротам, он спешил и увидел, что они плотно заперты. Он стал стучаться и кричать: «Отоприте! Отоприте!».

Какой-то старец с посохом в руке, в соломенных туфлях, с черной косынкой на голове, в простой одежде, открыл ворота и спросил:

— Кто здесь стучится и кричит?

Танский монах сложил руки в знак приветствия, поклонился по всем правилам вежливости и ответил:

— Благодетель наш! Я, бедный монах из восточных земель, послан на Запад за священными книгами. Наш путь пролегает мимо вашего селения. Сейчас уже поздно, и мы просим разрешения переночевать в твоей усадьбе. Будем весьма признательны тебе за оказанную милость.

— Послушай, монах! — ответил старец. — Отсюда тебе никак не попасть на Запад! Это место — малое Западное небо. До большого Западного неба еще очень далеко, причем идти будет трудно не только потом, но и сейчас.

— Почему? — спросил Танский монах.

— На запад от этого селения, — отвечал старец, указывая рукой, — примерно в тридцати с лишним ли, есть узкий проход, который называется Сишитун, проход Гнилых фиг, а сама гора, где находится этот проход, носит название Цицзюе — Семь преимуществ.

— Почему она так называется? — заинтересовался Танский монах.

— В поперечнике эта гора насчитывает восемьсот ли, — отвечал старец, — и вся поросла фиговыми деревьями, а древняя поговорка гласит: «Фиговые деревья обладают семью преимуществами»: 1. Способствуют долголетию. 2. Дают много тени. 3. Вороны не вьют на них свои гнезда. 4. Возле этих деревьев не водятся змеи.. 5. Заиндевелые листья очень красивы. 6. Прекрасные плоды. 7. Ветви и листья очень большие и сочные. Вот почему эта гора называется горой Семи преимуществ. Земли здесь много, людей мало, в горы издавна никто не ходит. Ежегодно переспелые фиги падают на землю, и единственный узкий проход в скалах весь завален ими почти доверху. Дождь, снег, роса и иней мочат их, и за лето они сгнивают настолько, что превращаются в липкую грязь. Местные жители называют также этот проход проходом фиговых нечистот. Стоит подуть западному ветру, как сразу же поднимается ужасный смрад, хуже чем при очистке нужников. Сейчас самый разгар весны и чаще дуют юго-восточные ветры, поэтому смрад пока не чувствуется.

Танский монах удрученно молчал. Сунь У-кун не выдержал и стал кричать:

— Какой же ты бестолковый! Мы устали от долгого пути и пришли к тебе на ночлег, а ты докучаешь нам своими разговорами! Сказал бы прямо, что у тебя тесно и нас некуда положить, мы бы уж как-нибудь на корточках провели эту ночь под деревьями. Зачем зря болтать?

Старец стал разглядывать Сунь У-куна и так опешил от его безобразного вида, что в первый момент не мог выговорить ни слова. Но, придя в себя, он набрался храбрости и тогда стал кричать и размахивать посохом:

— Ах ты, невежа! Скуластая морда, вдавленный лоб, плоский нос, впалые щеки, глаза мохнатые, черт чахоточный! Не умеешь вести себя со старшими, да еще смеешь совать свое рыло и грубиянить мне, старому человеку!

Сунь У-кун, ласково посмеиваясь, стал успокаивать старика:

— Почтенный господин мой, — вежливо проговорил он, — ты хоть и с глазами, а зрачков, видно, у тебя нет, раз не узнал меня, черта чахоточного. В правилах угадывания человека по лицу сказано так: «У кого наружность диковинная, в том скрываются качества драгоценные, как в грудe камней — прекрасная яшма!» Если ты определяешь людей только по их словам и наружности, то можешь ошибиться. Пусть я безобразен на вид, но зато владею кое-каким искусством.

— Откуда ты родом? — спросил старец. — Как звать тебя по имени и по фамилии? И каким искусством ты владеешь?

Сунь У-кун рассмеялся и стал рассказывать о себе:

...Мои досточтимые предки жили в землях Дуншэнских,

Я ж с самого детства на дивной горе Хуагошань

Старался постигнуть учение совершенства,

Ему отдавая душою и разумом дань.

Сердец человеческих великий, благой прародитель,

Открывший мне Истины путь,— вот кто был мой учитель!

Узнал я и понял немало вещей сокровенных:

Драконов могу покорять, будоражить моря,

За солнцем гоняться, от жара его не горя,

И горы ворочать, и также в науках военных

Любых полководцев мудрейших могу превзойти.

Задумал — и звезды собьются с прямого пути,

И Ковш повернется на небе другой стороною;

Я оборотня покорю и бесовские козни расстрою.

На дьявола злого сумею управу найти,

И землю вращаю, и небо могу унести, —

Недаром слышу я непобедимым героем!

Из камня бесценного созданная обезьяна,

Владею я даром свой облик менять постоянно!

Старец выслушал его и, сменив гнев на милость, с поклоном пригласил путников в дом.

— Прощу! Заходите в мою скромную обитель и располагайтесь как вам удобно!

Четверо монахов с конем и поклажей вошли в ворота и увидели дорожку, обсаженную с обеих сторон густыми рядами терновников. Вторые ворота были устроены в стене, сложенной из кирпича и камней, и тоже покрыты колючими растениями. И только за этими воротами оказались строения из трех отделений, покрытые черепичной крышей. Старец ввел гостей в дом, усадил и стал потчевать чаем, приказав слугам приготовить еду. Немного погодя слуги поставили столы и начали расставлять на них обильные яства: визигу, бобовый сыр, ростки батата, тертую редьку, перец и горчицу, брюкву, отварной рис и суп из растения «куй», вымоченного в уксусе.

Наставник и его ученики наелись до отвала. После еды Чжу Ба-цзе отвел в сторону Сунь У-куна и тихо спросил его:

— Брат! Объясни, почему вначале старец не хотел оставить нас ночевать, а теперь вдруг стал так гостеприимен, что даже устроил нам обильную трапезу?

— Подумаешь! — возразил Сунь У-кун. — Что стоит все это угощение? погоди, завтра я еще потребую с него по десять сортов плодов и овощей нам на дорогу!

— Как тебе не стыдно? — укоризненно прошептал Чжу Ба-цзе. — Мало того что своим бахвальством ты сбил с толку старика и он угостил нас на славу, не подозревая обмана... Как бы не пришлось завтра бежать без оглядки. Неужто он еще станет устраивать нам проводы?

— Не горячись! — спокойно отвечал Сунь У-кун. — Я знаю, как заставить его сделать это.

Прошло еще немного времени и совсем стемнело. Старец велел зажечь фонари. Сунь У-кун, поклонившись ему в пояс, спросил:

— Как прикажешь величать тебя, повелитель мой?

— Моя фамилия Ли, — ответил старец.

— Видно, все это селение является родовым и называется по твоей фамилии?

— Нет, — отвечал старец, — оно называется Толо. В нем насчитывается более пятисот дворов, и все они носят другие фамилии. Пожалуй, только я один зовусь Ли.

— Благодетель мой, почтенный Ли, — продолжал Сунь У-кун. — Скажи мне, из каких добрых побуждений ты угостил нас такой обильной трапезой?

Старец встал со своего места и произнес:

— Я слышал от тебя, что ты умеешь ловить оборотней и проклятых злых духов. У нас здесь водится злой дух-оборотень, и я хотел бы обременить тебя просьбой изловить его ради нас всех, обитателей этого селения. За это мы щедро отблагодарим тебя!

Обратив лицо вверх, Сунь У-кун пробормотал клятву послушания и сказал:

— Благодарю за оказанную мне честь!

Чжу Ба-цзе не стерпел и крикнул:

— Вы только посмотрите на него! Навлекает беду на нас! Когда его просят изловить злого духа-оборотня, он готов услужить кому угодно, словно родному тестю, заранее даже поклялся!

— Премудрый брат мой! — веско произнес Сунь У-кун. — Ты ведь не знаешь, в чем дело. Я дал клятву для того, чтобы старик больше ни к кому не обращался с этой просьбой.

Танский монах, услышав эти слова, сказал:

— Ну и мартышка! Всюду суется. А что, если у этого злого духа-оборотня чары сильнее твоих и тебе будет не под силу изловить его? Получится, что мы, монахи, отрешившиеся от всего мирского, лгуны и обманщики?

— Не сетуй на меня, наставник мой! — засмеялся Сунь У-кун. — погоди! Дозволь мне еще спросить его.

— О чем еще ты хочешь спросить? — отозвался старец. — Скажи мне, — начал Сунь У-кун, — какой злой дух-оборотень смеет появляться в твоих хорах, когда здесь совершенно ровное и спокойное место и к тому же рядом живет много людей?

— Так и быть, не буду обманывать тебя, — ответил старец. — У нас здесь с давних времен всегда было тихо и спокойно, но вот три года тому назад, в шестом месяце, вдруг налетел сильный порыв ветра. В эту пору все люди были очень заняты: кто молотил хлеб на току, кто рассаживал рис на полях. Сначала все думали, что погода переменилась, но потом оказалось, что вместе с порывом ветра появился злой дух-оборотень. Он пожирал коров и коней на

пастбищах, поедал свиней и баранов, глотал целиком кур и гусей, заглатывал живьем мужчин и женщин. С того времени он стал часто посещать нас и причиняет большой вред. Обращаюсь к тебе, как к наставнику! Если ты в самом деле обладаешь волшебными средствами, излови этого беса, очисти от него нашу землю. Обещаю тебе, что жители щедро отблагодарят тебя! Верь мне, я говорю истинную правду.

— Такого беса, пожалуй, трудно изловить, — в раздумье произнес Сунь У-кун.

— Конечно, трудно! — поспешил поддакнуть ему Чжу Ба-цзе, — очень трудно! Да и к чему ловить каких-то бесов? — продолжал он. — Мы ведь странствующие монахи. Нам бы только переночевать, а завтра с утра мы снова отправимся в путь.

— Ах, вот вы какие! — закричал старец. — Обманом вымогаете подаяния! Распустили свои лживые языки и стали бахвалиться, что можете звезды смещать и ручку Ковша поворачивать, злых духов и бесов покорять, а как дошло до дела, так испугались: «Трудно изловить»! — передразнил он.

— Да что ты, старичок?! — ласково проговорил Сунь У-кун. — Беса поймать легко, только народ у вас здесь не очень дружный, потому я и сказал: «Трудно изловить».

— Откуда ты взял, что у нас народ не дружный? — обиделся старик.

— Сам посуди, — отвечал Сунь У-кун. — Вот уже три года у вас здесь бесчинствует злой дух-оборотень. Загубил невесть сколько жизней. Если бы у вас народ был дружный, я думаю, каждый охотно дал бы хоть по одному лян серебра. С пятисот дворов можно было бы собрать пятьсот лян, а за такие деньги всюду найдется штатный даос-колдун, который может изловить беса. Как же иначе объяснить то, что вы три года безропотно терпите мучения от этого дьявола?

— Ну, уж если говорить о деньгах, то даосам должно быть стыдно до смерти! Да кто у нас не потратил на это дело три, а то и целых пять лян серебра? Вот и в позапрошлом году наши жители ходили к одному монаху, на южный склон горы, просили его прийти изловить беса, так ничего у него не вышло.

— А каким способом собирался он изловить беса? — спросил Сунь У-кун.

Старик отвечал:

Как положено, монах облачился,

Сутры толковать священные начал:

Поначалу речь повел о Кунцяо

А потом и к Фахуа обратился.

Благовонные возжег он куренья;
В руки взявши золотой колокольчик,
Все читал да причитал неустанно,
Надлежащего исполненный рвенья.
От его молений бес пробудился,
Исповедывавший ересь лихую;
Он услышал голос истинной веры
И, услышав его, встревожился и озлился.
Облака нагнал на наше селенье,
Вместе с буйными ветрами и градом,
И, представ перед бессильным монахом,
На него злодей напал в исступленье.
Завязался бой великий меж ними,
Похвалы и удивленья достойный;
Кулаками бьет монах злого беса,
Тот орудует когтями своими.
Долго доблестный монах продержался:
Голова его гола, что колено,
И противник за нее ухватиться
Был не в силах, как он там ни старался.
Все ж победа оказалась за бесом:
По макушке бритой стукнув монаха
Так, что череп, как арбуз, раскололся,
Бес закутался завесой из праха:
Как видение, в тумане исчез он.
Сунь У-кун рассмеялся:

— Выходит, что он сам пострадал!

— Пострадали мы, а он только поплатился жизнью, — сказал старик. — Нам пришлось покупать гроб и устраивать похороны, да еще ссужать деньгами его учеников, которые до сих пор не успокоились и всё грозятся подать на нас жалобу.

— И больше вы ни к кому не обращались с просьбой изловить беса? — спросил Сунь У-кун.

— В прошлом году опять звали одного даоса.

— Как же он ловил беса?

— А вот как. — И старик снова начал говорить:

Надев златой убор и облачение,
Достойный муж костяшками пощелкал,
Прочел магические изречения
Над чистою водою втихомолку;
Исполнив надлежащие обряды,
Даос почтенный вызвал духа злого.
В покрове из тумана ледяного
Явился тот и стал доступен взгляду.
Тут начался меж ними бой жестокий,
Как листья в бурю, закружились оба,
И мгла, как ненасытная утроба,
Их поглотила во мгновение ока.
Когда же непогода прекратилась,
Туман рассеялся над местом боя.
Мы все туда бегом бежать пустились,
Разыскивать несчастного героя.
Как курица, попавшая в похлебку,
На дне ручья лежал он без движенья,
Растерзанный, с разодранною глоткой, —

Несчастный! Потерпел он поражение!

— Выходит, второй монах тоже пострадал, — засмеялся Сунь У-кун.

— Да он только отдал жизнь, и все, — возразил старик, — а нам опять пришлось раскошелиться впустую.

— Ничего, ничего! — стал успокаивать старика Сунь У-кун. — Я непременно изловлю этого дьявола.

— Если ты в самом деле знаешь, как поймать беса, то я сейчас схожу за старейшинами нашего селения, и мы напишем бумагу: одолеешь его, мы заплатим тебе столько, сколько сам назначишь, ни на полгроша не обманем. Если же он тебя побьет, то пусть с нас никто не взыскивает, такова уж, видно, воля неба.

— Ишь ты какой! — сквозь смех проговорил Сунь У-кун. — Видно, здорово тебя припугнули. Да мы ведь не такие люди. Приглашай скорей своих старейшин.

Старец очень обрадовался и тотчас велел слугам пригласить соседей слева и справа, старших и младших двоюродных братьев по отцу и матери, родных и друзей. Всего набралось восемь старцев, которые явились и представились монахам.

Речь зашла о поимке беса-оборотня. Все старцы пришли в восторг и стали спрашивать: кто же берется изловить беса?

Сунь У-кун скрестил руки на груди и, выступив вперед, сказал:

— Это я, смиренный монах!

Старцы в страхе заговорили:

— Ничего не выйдет! Тебе не справиться! Этот бес владеет множеством чар, да и сам он здоровенный. А ты, почтенный монах, такой тщедушный и маленький, что даже не заполнишь просвета между его зубами и клыками!

— Уважаемые мои почтенные господа! — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Плохо вы в людях разбираетесь. Я хоть и мал ростом, зато очень крепкий, как говорится, «вспоили меня водой от точильного камня, лучший из всех пяти жизненных духов играет во мне!».

Старцам ничего другого не оставалось, как поверить, и они перешли к делу:

— Сколько же ты возьмешь в награду за поимку беса, почтенный монах? — спросил самый старший.

— Какая там еще награда! — отвечал Сунь У-кун. — В народе есть такая поговорка: «Кто о золоте говорит, у того пелена на глазах, кто о серебре говорит, тот круглый дурак, а кто о меди говорит, от того дурно пахнет!» Мы — добродетельные монахи и никаких денег нам не надо!.

— Судя по твоим словам, — сказали старцы, — вы действительно весьма добродетельные монахи-аскеты. Но где это видано, чтобы даром трудились? Раз ты не хочешь денег, мы можем предложить тебе другое: все мы занимаемся рыболовством и земледелием и этим кормимся. Если ты в самом деле одолеешь беса и очистишь нашу землю, каждый из нас выделит в дар по два му самой лучшей полевой земли, таким образом наберется тысяча му, которые мы нарежем в одном месте. Вы с вашим наставником возведете там монастырь и будете предаваться созерцанию, что, пожалуй, лучше, нежели скитаться по свету, подобно облакам.

— Об этом и говорить нечего! — рассмеялся Сунь У-кун. — Допустим, что мы возьмем вашу землю, значит, надо будет обзаводиться хозяйством, держать коней и слуг, платить налоги, поставлять фураж, поздно ложиться, рано вставать. Этим предложением вы просто без ножа нас режете.

— И от одного ты отказываешься и от другого, — огорченно молвили старцы. — Так скажи, чем же отблагодарить тебя?

— Я — человек, ушедший из мира — ответил Сунь У-кун. — Напоите чайком, покормите вареным рисом, — вот и все воздаяние!

— Ну, это пустяки, — обрадовались старейшины. — А теперь расскажи нам, как ты думаешь изловить беса.

— Как только он появится, — сказал Сунь У-кун, — так я его и поймаю.

— Он ведь огромный! — предупредили старцы. — Голова его упирается в небо, а ноги — в землю. При его приближении налетает сильный порыв ветра, а когда он исчезает, остается туман. Как же ты приблизишься к нему?

— Если этот дьявол способен только вызвать ветер и носиться в облаках, то он годится мне во внуки. Не беда, что он ростом велик; я все равно с ним справлюсь.

Пока они беседовали, неожиданно завыл ветер. Старцы пришли в смятение и, дрожа от страха, стали говорить:

— У этого монаха дурной язык: как заговорил о дьяволе, так дьявол тут как тут!

Хозяин, старец Ли, открыл калитку и стал звать всех своих родных, а также Танского монаха:

— Заходите сюда! Заходите! Прячьтесь скорей! Бес явился!

Даже Чжу Ба-цзе перепугался и тоже хотел спрятаться, а за ним и Ша-сэн. Но Сунь У-кун удержал их.

— Я вижу, вы совсем забыли, кто вы такие, и ведете себя неподобающим образом! Разве можно монахам забывать, где свои, где чужие?! Оставайтесь здесь! Выйдем и посмотрим, каков из себя бес.

— Брат, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — зачем нам на него смотреть? Эти умудренные опытом старцы знают, что раз ветер зашумел, значит, должен появиться дьявол. Они спрятались, а мы что? Мы не приходимся ему родней, никогда не были с ним знакомы и не ведем дружбы...

Но Сунь У-кун не стал его слушать. У него оказалось достаточно силы, чтобы вытащить своих обоих братьев во двор. А ветер все крепчал:

Он валит деревья, дорогу в лесу пролагает,
На тигров с волками смятение и жуть нагоняет,
Всю воду речную мутит и волнует широкое море,
И духов печалит, ввергая в тревогу и горе,
С горы Хуаюэ он огромные камни срывает
И небо с землею, что коней, на дыбы поднимает,
И всякий в селенье, охваченный новой заботой,
Укрыться спешит, на засов замыкая ворота.

Чжу Ба-цзе, дрожа от страха, ничком лег на землю и стал рыть ее своим рылом, чтобы спрятаться: было слышно лишь, как он сопит. Ша-сэн обхватил голову руками и крепко зажмурил глаза.

Прислушиваясь к ветру, Сунь У-кун старался разгадать, кто был этот бес. Как только ветер немного утих, высоко в воздухе замерцали два фонаря. Сунь У-кун тотчас наклонил голову и крикнул:

— Братья! Ветер умчался! Вставайте смотреть!

Дурень вытащил свое рыло из земли и, отряхивая пыль, стал смотреть на небо, где

действительно увидел свет двух фонарей. Засмеявшись, он сказал сиплым голосом:

— Вот так штука! Оказывается, он знает, как себя вести, и нам следует с ним подружиться.

— Почему ты так думаешь? — изумился Ша-сэнь. — В такую темень ничего нельзя разглядеть, к тому же ты ведь с ним ни разу не встречался.

— А ты разве не знаешь древнюю пословицу? — ответил Чжу Ба-цзе: — «Если ночью в путь идешь, бери фонарь с собою, нет фонаря — стой на месте». Видишь, какие фонари он зажег, чтобы освещать себе дорогу? Несомненно — это добрый бес.

— Ты ошибся, — проговорил Ша-сэнь. — Это вовсе не фонари, а глаза чудовища.

От страха Дурень сжался в росте на три цуня и промолвил:

— О небо! Неужели бывают такие огромные глазищи! Какая же у него должна быть пасть!

— Братья, не бойтесь, — стал успокаивать Сунь У-кун. — Охраняйте хорошенько нашего наставника, а я поднимусь в воздух и узнаю, что это за бес.

— Брат! — умоляюще сказал Чжу Ба-цзе. — Только уж ты нас, пожалуйста, не впутывай в это дело.

Молодец Сунь У-кун! Он вытянулся, присвистнул и совершил прыжок в воздух.

— Полегче! полегче! Здесь я нахожусь! — грозно крикнул он, держа наготове свой посох.

Чудовище, увидев Сунь У-куна, вытянулось во всю длину и стало размахивать длинным копьём. Сунь У-кун, замахнувшись посохом, спросил:

— Ты откуда взялся, проклятый дьявол? Из каких мест?

Но дьявол ничего не ответил и продолжал размахивать копьём. Сунь У-кун повторил вопрос, но дьявол опять промолчал. Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун сказал:

— Видно, ты глухой и немой! Стой! Ни с места! Гляди, какой у меня посох!

Но чудовище, не выказывая ни малейшего страха, продолжало махать копьём, отражая удары. И вот в воздухе начался бой: враги то наступали, то отступали — один сверху, другой снизу. Они дрались до третьей стражи, но все еще нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-дзе и Ша-сэнь находились во дворе, откуда им было все хорошо видно. Оказывается, чудовище только

и умело отбивать удары своим копьём, но совсем не владело приемами нападения. Посох же Сунь У-куна все время летал над головой чудовища. Это рассмешило Чжу Ба-цзе и он сказал:

— Брат Ша-сэнь! Побудь здесь и постереги наставника, а я отправлюсь на подмогу, чтобы обезьяна не приписала себе одной победу над бесом и не получила в награду первую чарку вина.

Сказав это, Дурень сразу же вскочил на облако и, поспешив к месту боя, напал на беса. Однако тот пустил в ход еще одно копьё и стал отбиваться. Оба копьё извивались змеями и сверкали молниями. Восхищенный ловкостью беса, Чжу Ба-цзе воскликнул:

— Ну и бес! Здорово владеет копьёми! Какими же приемами он действует? Это не «шаньхоуцян», а, пожалуй, «чаньсыцян». Нет, ни тот, ни другой. И не «мацзяцян». А, знаю, этот прием называется «шуаньбинцян» — «копьё с эластичным древком».

— Брось болтать глупости, Дурень! — оборвал его Сунь У-кун. — Разве существует прием «копьё с эластичным древком»?

— А ты гляди, ведь он отбивает наши удары только острием копий! — возразил Чжу Ба-цзе. — Древков совсем не видно, даже не поймешь, где он их держит!

— Может, ты и прав, — согласился Сунь У-кун, — но зато бес этот не умеет говорить человеческим языком. Видно, не приобщился к человеческому перерождению и в нем живет еще дух темного царства Инь. Увидишь, когда начнет светать и дух светлого царства восторжествует в природе, бес непременно удерет. И вот, как только он обратится в бегство, нам надо непременно догнать его и изловить.

— Верно! Верно! — поддакнул Чжу Ба-цзе.

Бой продолжался еще очень долго, и воины не заметили, как восток начал светлеть. Бес не осмелился продолжать бой и бросился наутек. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе разом кинулись за ним вдогонку. Вдруг они оба почувствовали нестерпимое зловоние, которое исходило как раз от горного прохода на горе Семи преимуществ, заваленной гнилыми фигами.

— Где это чистят выгребную яму? — задыхаясь, вскрикнул Чжу Ба-цзе. — Тьфу! Гадость какая! Дышать нечем!

Сунь У-кун, зажав нос, кричал:

— Догоняй живее беса! Живее!

Тем временем бес скрылся за гору и там принял свой настоящий вид. Оказалось, что это был огромный удав, покрытый красной чешуей. Представьте себе, читатель:

Ярче звезды утренней злые глаза его блещут,
Острее мечей булатных зубы его, что скрежещут,
При виде железных когтей его люди и звери трепещут.
Из черных ноздрей дыхание его вылетает со свистом,
Вокруг него расстилается туманом сизым.
На голове вздымается рог мясистый —
Словно агатом толченым тот рог обсыпан.
Дивно глядеть на змея, когда лежит он, —
Красною чешуею тело его покрыто.
Как из румян составленный, весь отливая алым,
Вид он собой являет воистину небывалый,
Словно то в грудку свалены парчовые одеяла.
Дивно глядеть на змея, когда летит он,
В воздухе расстилаясь пламенеющим свитком
Или пурпурной радугой, по небесам разлитой...
Запах встает тяжелый, на серную вонь похожий,
В месте, где долгий отдых свой он проводит лежа,
Никто на земле живущий тот запах вдыхать не может.
Его толщина такая, что, если стоишь с ним рядом,
Того, кто стоит напротив, никак не окинешь взглядом,
Не различишь лица его, ни цвета его наряда.
Длина же его такая, что если он на гору ляжет,
То край ее южный с краем, глядящим на север, свяжет.
Хвостом упираясь в реку, а головою в пажить.

— Так вот это кто! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Исполинский змей! Ему мало пятисот человек, чтобы насытиться.

— А два копы, которые ты называл эластичными, — сказал Сунь У-кун, — не что иное, как его раздвоенное жало. Мы загнали удава в тупик и деваться ему некуда, а теперь давай выгонять

его из горы с другой стороны.

Чжу Ба-цзе подбежал к удаву и начал колотить его граблями. Но удав быстро шмыгнул в нору, и только конец его хвоста длиною в несколько чи высывался наружу. Чжу Ба-цзе отложил грабли в сторону, ухватился за хвост и что было силы начал тащить его, приговаривая:

— Попался! Попался! Не уйдешь! — Однако все его усилия оказались тщетны.

— Дурень! — засмеялся Сунь У-кун. — Отпусти его. Я знаю, что делать, а тащить его бесполезно.

Чжу Ба-цзе разжал руки, и удав быстро вобрал хвост в нору.

— Пока я держал его за хвост, — огорченно произнес Чжу Ба-цзе, — он все же был в наших руках. А теперь забился в свою нору, его оттуда и не выгонишь. Вот и остались мы с носом!

— Ничего! — сказал Сунь У-кун. — У этого удава — туша огромная, а нора узкая. Он в ней даже повернуться не может. Стало быть, из норы наверняка есть еще один выход. Ты ступай стереги его с того конца, а я буду здесь выбивать его из норы.

Дурень мигом перебежал через гору и там действительно увидел вход в нору. Он стал устраиваться около него поудобнее, совершенно не предполагая, что Сунь У-кун так скоро начнет действовать своим посохом. Удав, изнывая от боли, пополз к другому выходу, и не успел Чжу Ба-цзе охнуть, как удав выскочил из норы и одним ударом хвоста повалил его наземь. Превозмогая боль, Чжу Ба-цзе беспомощно лежал на земле.

А Сунь У-кун, увидев, что нора опустела, схватил свой посох, перебежал через гору и стал кричать Чжу Ба-цзе, чтобы тот погнался за удавом. Чжу Ба-цзе, сгорая от стыда и пересиливая боль, ползком поднялся на ноги и начал как попало бить граблями по траве. Сунь У-кун увидел это и расхохотался:

— Чего зря колотишь? Ведь бес давно удрал!

— А я, как говорится, бью по траве, чтобы всех змей вспугнуть, — пытался отшутиться Чжу Ба-цзе.

— Вот дурак, — обозлился Сунь У-кун, — беги скорей, догоняй!

Оба помчались за змеем, перескочили через горный поток и увидели чудовище, свернувшееся клубком с поднятой головой и широко разинутой огромной пастью, готовое проглотить Чжу Ба-цзе. Тот в ужасе отпрянул назад и бросился бежать, а Сунь У-кун, наоборот, кинулся вперед, и удав разом проглотил его. Чжу Ба-цзе стал в исступлении бить себя в грудь кулаками, топать ногами и вопить: «Брат! Пострадал ты из-за меня».

Тем временем Сунь У-кун, поставив посох поперек брюха удава и устроившись поудобнее, крикнул:

— Эй, Чжу Ба-цзе! Не печалься! Гляди, как я заставлю его выгнуться мостом!

Удав в самом деле выгнулся, напоминая арочный мост Лудунхун.

— Хоть и похож на мост, — произнес Чжу Ба-цзе, — да никто не осмелится пройти по нему.

— Смотри, Чжу Ба-цзе, — крикнул Сунь У-кун, — а сейчас я заставлю его изобразить из себя большую ладью!

С этими словами Сунь У-кун подпер брюхо удава, а тот, прижав подпертое место к земле, от боли задрал голову вверх и действительно стал походить на большую ладью с задранным носом.

— Хоть и похож на ладью, — тем же тоном отозвался Чжу Ба-цзе, — но нет мачт и парусов, не сможет плыть по ветру.

— Ну-ка, посторонись! — крикнул Сунь У-кун. — Я тебе покажу, как он у меня понесется по ветру.

Поднатужившись, Сунь У-кун проткнул своим посохом спину удава так, что она увеличилась на несколько чжан в высоту и действительно стала походить на мост. Чудовище, не выдержав боли, помчалось вперед быстрее ветра, а затем повернуло обратно, спустилось с горы, проползло еще более двадцати ли и, наконец, зарылось в пыль без движения. Чжу Ба-цзе сзади подбежал к издохшему удаву и стал бить его граблями. Сунь У-кун проделал дыру в брюхе удава и вылез наружу.

— Чего колотишь? Ведь он сдох!

— Ты разве не знаешь, — ответил Чжу Ба-цзе, — что я всегда любил бить мертвых змей?

Затем он убрал свои грабли, взял удава за хвост и поволок за собой.

Вернемся в селение Толо, где старец Ли со всеми старейшинами обратился к Танскому монаху с такими словами:

— Твоих учеников не было всю ночь, и до сих пор они не возвратились. Видно, нет их больше в живых.

— Нет, с ними ничего не могло случиться. Выйдем посмотрим, — предложил Танский монах.

Вскоре они увидели Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, которые с шумом и гиканьем тащили огромного удава. Вот когда старцы действительно обрадовались. Все селение поднялось на ноги. Сюда сбежались все от мала до велика. Встав на колени, жители селения стали выражать свою благодарность. Слышались возгласы:

— Это и есть тот самый бес! Вот он и губил людей! Теперь благодаря вам, благочестивые отцы наши, уничтожившие злого оборотня, мы избавлены от напасти и можем жить спокойно!

Все в знак благодарности приглашали путников в гости и подносили им разные благодарственные угощения. Наставник и его ученики были вынуждены остаться еще на несколько дней. Насилу удалось упросить благодарных жителей отпустить их. Убедившись, что монахи действительно не хотят брать ни денег, ни вещей, они наготовили на дорогу разные печенья, сухари и фрукты и вышли провожать, кто верхом на муле, кто на лошади, с красными цветами и шелковыми флагами. В селении было пятьсот дворов, и провожающих набралось до восьмисот человек. Всю дорогу они веселились и радовались. Вскоре путники стали подходить к горному проходу Гнилых фиг на горе Семи преимуществ, и Танский монах почувствовал зловоние. Вся дорога впереди была забита гнилыми фигами.

— Сунь У-кун, как же мы здесь проберемся? — спросил он своего старшего ученика.

Зажимая нос рукою, Сунь У-кун ответил:

— Вот с этим трудно будет справиться.

От этих слов у Танского монаха на глазах сразу же навернулись слезы. Старец Ли и остальные провожающие выступили вперед и сказали:

— Почтенный отец наш! Не огорчайся. Мы условились проводить вас до этого места и предложить наш совет. Твои уважаемые ученики расправились со злым духом-оборотнем и избавили наше селение от беды и пагубы. В благодарность за это мы готовы проложить вам другой, хороший путь и проводить вас через эту гору!

Сунь У-кун улыбнулся:

— Нет, почтенный старец, ты сказал не подумав. Ты сам говорил, что эта гора в поперечнике тянется на восемьсот ли, как же вы сможете проложить дорогу через нее в короткий срок, раз не являетесь священными воинами великого Юя? Чтобы провести нашего наставника через эту гору, опять нужно будет нам потрудиться, а вы этого не сумеете.

Танский монах слез с коня и спросил:

— Сунь У-кун, что же ты думаешь делать?

Не переставая улыбаться, Сунь У-кун ответил:

— Перейти через гору, конечно, трудно, но еще труднее ждать, когда проложат новую дорогу. Надо все же попытаться пройти через старый проход, боюсь только, что некому будет доставлять нам пищу.

— Что ты, что ты! — вмешался старец Ли. — Зачем так говорить? Сколько надо будет, столько и будем вас кормить и поить. Зачем же говорить, что некому будет доставлять пищу?

— Ну, в таком случае, — бодро сказал Сунь У-кун, — отправляйтесь обратно и наготовьте нам два даня сухой провизии да напеките разных пампушек и блинов. Мы накормим досыта вот этого монаха с длинным рылом, он превратится в большую свинью, проложит нам дорогу через старый проход, наставник наш сядет верхом на коня, мы будем его поддерживать и уж как-нибудь проберемся!

Чжу Ба-цзе услышал и сказал:

— Ишь ты, какой умный! Вы все хотите остаться чистенькими, а на меня одного взвалить уборку всей этой зловонной грязи?!

— Чжу У-нэн! — ласково сказал Танский монах. — Если тебе под силу это дело и ты сможешь проложить путь через проход и провести меня через эту гору, то не сомневайся — это зачтется тебе, как самый большой подвиг!

— Ладно! — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — Будь, наставник, судьей над нами, вот в присутствии всех наших благодетелей-кормильцев скажу без смеха. Я, Чжу Ба-цзе, владею способом тридцати шести различных превращений. Но если вы захотите, чтобы я превратился во что-либо легкое, грациозное, нежное и красивое, скажу напрямик, что не смогу. А вот в гору, дерево, камень, кочку, в тапира, в борова, в буйвола, в верблюда — я, честное слово, могу превратиться без труда. Только предупреждаю, что если я превращусь в существо большее по размерам, то и брюхо у меня станет больше. Я должен наестся до отвала, вот тогда смогу поработать как следует!

— Еда найдется! Еда найдется! — закричали все. — Каждый из нас взял с собой сухари, разные плоды, блины жареные и прочую снедь. Мы ведь думали, что нам придется прокладывать для вас новую дорогу. А теперь бери все и ешь на здоровье. Когда же ты увеличишься и возьмешься за работу, мы еще пошлем людей за провизией.

Чжу Ба-цзе очень обрадовался. Он снял с себя черный халат, отложил в сторону грабли с девятью зубьями и, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Только уж вы надо мной не смейтесь, когда увидите, как я примусь за эту грязную работу.

О, добрый Чжу Ба-цзе! Посмотрели бы вы, читатель, как он прочел заклинание, встряхнулся и тут же превратился в огромную свинью. Вот уж, право:

Сала в ней больше, чем наполовину,
Пятачок круглый на рыле предлинном,
Уши огромные, как листья банана,
Спина ершится острой щетиной,
Толстая морда чернее ночи,
Луны светлее круглые очи,
Голос ее пронзительный звонок —
Громко визжит, когда есть захочет.
Еще поросенком в селеньях горных
Питалась всходами трав благотворных,
Теперь же любую пищу людскую,
Сопя и чавкая, съест проворно.
Немало нужно ей, чтоб быть сытой,
Такой громадной, так плотно сбитой!
Груз выдерживают небывалый
Ее четыре белых копыта.
Себя совершенствовала не даром:
Крепкий хребет не боится ударов,
Шкуру железную не проколешь,
Не осмолишь, не обваришь варом.
Свиней упитанных встретить просто —
Следит хозяин за их дородством,
Но ей подобных средь них не сыщешь:
Далеко им до такого роста!

В тысячу чи она вышиною,
Не меньше ста чжан, пожалуй, длиною,
Своим долголетием небу подобна,
И всех людей удивляет собою.
Танский монах с нее глаз не сводит,
Любуется ею толпа народа,
Глядя, как путь пролагает усердно
Бывший великой звезды полководец.

Сунь У-кун, увидев, что Чжу Ба-цзе завершил свое превращение, тотчас же велел провожающим сложить в кучу всю провизию, которая была у них с собой, чтобы Чжу Ба-цзе смог подкрепиться. Дурень, не разбираясь, что вареное, что сырое, стал поглощать всю еду, а затем принялся расчищать рылом дорогу. Сунь У-кун велел Ша-сэну разуться, чтобы было легче нести поклажу, а наставника попросил крепче держаться в седле. Сам он тоже разулся, а провожающих отправил в селение.

— Если вы действительно благодарны нам, — сказал он, — то отправляйтесь сейчас же за провизией для моего собрата, чтобы поддержать в нем силы.

Больше половины провожающих, а их набралось, как уже говорилось, около восьмисот человек, были на мулах и лошадях. Они немедленно отправились в селение и занялись приготовлением пищи. Остальные провожающие, человек триста, которые шли пешком, остановились под горой и смотрели вслед удалявшимся путникам. Селение отстояло от горы на тридцать с лишним ли. Пока посланцы ходили в селение, а затем возвратились с едой, проделав таким образом путь почти в сто ли, наставник со своими учениками успел уже далеко уйти, но провожающих это не остановило: они погнали своих мулов и лошадей вдогонку, всю ночь ехали горным проходом, и только на следующий день им удалось догнать монахов.

— Благочестивые отцы наши! — стали кричать они еще издали. — Искатели священных книг! Подождите нас! Не спешите! Мы вам еду принесли!

Танский монах услышал их и сказал:

— Вот уж поистине добрые, верующие люди!

Затем он велел Чжу Ба-цзе остановиться и поесть, чтобы набраться сил.

Дурень, поработавший рылом два дня, уже начал испытывать голод. Жители навезли больше семи даней еды. Чжу Ба-цзе опять, не разбираясь, что перед ним: вареный ли рис, или лапша, — все подряд заглатывал, сбивая в кучу. Наевшись досыта, он снова принялся прокладывать

дорогу. Тут Танский монах с Сунь У-куном и Ша-сэном еще раз поблагодарили гостеприимных жителей и распростились с ними.

Вот уж, право:

Все провожавшие идут домой;

Им Чжу Ба-цзе дорогу пролагает;

Спокойны все: повержен дьявол злой,

И путникам никто не помешает.

Сам Сюань-цзан и прост и чист душой,

Его благие духи защищают,

Пред Сунь У-куном никнет враг любой, —

Такой он дивной силой обладает.

Отныне может всяк пройти горой,

Ход вновь открытый взоры привлекает...

Плодов гнилых завал стовековой

Его уж боле не загромождает.

Презрев мирских желаний праздный рой,

Опять друзья путь продолжают свой,

И всяк из них по-прежнему стремится

Перед престолом Будды преклониться.

Много ли осталось путникам пройти и какие еще злые духи встретились им, обо всем этом вы узнаете, читатель, из следующих глав.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288196>